

Мудрец Ипин, Глава секты горы Шу, смотрел на гладкую золотую дорогу перед собой и на строй учеников по обе стороны, уже выстроившихся в боевые формации, ожидавших лишь его приказа, чтобы ринуться вперёд и активировать формирование. Головная боль медленно поднималась от затылка к вискам. Он ещё ничего не сделал, так почему же его последователи уже так волнуются?

Как Глава секты, Мудрец Ипин культивировал почти тысячу лет и был одним из немногих терпеливых мастеров среди мечников горы Шу. Когда проводился выбор нового повелителя секты, прежний Глава лёгким кашлем прервал собрание и спросил:

— Кто желает стать Главой секты?

Все его сверстники одновременно сделали шаг назад — слаженно, как будто репетировали это веками, и только более медлительный Ипин остался стоять один посреди зала. Так он и стал Главой — не потому что стремился к власти, а потому что никто не хотел её брать.

В других сектах положение Главы было предметом ожесточённой борьбы, но для мечников горы Шу оно означало лишь одно — тонны мирских дел. Это значило, что когда двое учеников слишком яростно сражались, он не мог просто вмешаться и ударить их обоих по голове, а должен был улаживать конфликты словами. Это значило, что у него больше не было времени странствовать с мечом в руке, что он не мог без причины обнажить клинок, и каждую ночь его меч жалобно звенел в ножнах, недовольный тем, что снова не узнал вкуса боя.

Для учеников горы Шу меч был не просто оружием, он был их путём, их справедливостью, их дыханием. Если даже Глава секты не мог сражаться, тогда в чём смысл всей этой силы?

С тех пор как он занял этот пост, Мудрец Ипин почти не появлялся публично, даже не тренировался со старейшинами. Каждый раз, когда он предлагал поединок, те отвечали:

— Мы не осмелимся, вдруг случайно раним вас, и нам придётся выбрать нового Главу.

Когда он хотел помочь юным ученикам, они говорили:

— Не можем потревожить Главу и задержать ваши дела, наши мастера сами нас накажут.

Так Мудрец Ипин оказался одинок, как снежная вершина в полнолуние, а его любимый меч «Рассекающий Тернии» — столь же несчастен. За триста лет после вступления в должность он ни разу его не достал. Поистине, великая скорбь!

А теперь, узнав, что Куньлунь потерпел бедствие и великая война между праведным и демоническим путями вот-вот вспыхнет вновь, Мудрец Ипин немедленно вызвался возглавить авангард. На самом деле, быть первым — задача опасная и трудная. Но ведь путь горы Шу — это меч, а без бесчисленных битв невозможно расти. Почти каждый рубеж культивации для

учеников горы Шу достигался через понимание жизни и смерти. Поэтому их прогресс был медленным, и немногие достигали Вознесения, но те, кто преодолевал испытания, оказывались сильнее любых обычных мастеров, их дух и сила превосходили всех. Путь меча труден, но те, кто проходит по нему до конца, становятся вершиной мира культивации.

Причина, по которой Фиолетово-синие Близнецы не действовали, как другие божественные формирования, заключалась отчасти в том, что они пробуждались лишь перед истинным мастером меча, а отчасти, в заботе о самих учениках горы Шу. Когда появлялся настоящий эксперт, они быстро открывали путь, давая молодым мастерам шанс испытать себя в битве.

В отличие от других защитных формирований, которые лишь блокируют вход и становятся бесполезными после проникновения, Фиолетово-синие Близнецы могли перестраиваться: всякий раз, когда ученики горы Шу не могли сдержать врага, формирование восстанавливалось заново. Именно в этот момент раскрывалась истинная мощь защиты горы Шу.

Говорили, что в тот момент, когда зазвучит их торжественный клич, все древние мечи из пагоды Мечей горы Шу вырвутся из своих гробниц и соберутся в истинное формирование меча, способное отразить любого врага.

Однако за всё время существования секты этого ещё ни разу не происходило.

Обычно чем сильнее противник, тем ближе к главному залу открывается путь. А сейчас дорога была проложена прямо до самых дверей — это явно указывало на невероятную силу пришельца. Как же ученики горы Шу могли не возбудиться?

Но глупцами они не были. Они понимали, что такой эксперт превосходит их возможности. Поэтому заранее подготовили своё формирование, готовые активировать его в тот самый момент, когда незванный гость переступит порог зала.

И вот Чанькунь Чжуоюй и его спутники пройдя по золотой дороге, вошли в главный зал горы Шу под взглядами всех учеников.

Ещё до того, как они переступили порог, группа мечников горы Шу стремительно спустилась с небес, окружив их чёткими рядами, мечи чуть сдвинулись, каждый шаг наполнен скрытым смыслом, как шаги танцора, знающего, что следующее движение — смертельный выпад.

Чанькунь Чжуоюй, по-прежнему невозмутимый, лениво помахивал веером и, бросив взгляд на ноги каждого ученика, едва заметно улыбнулся:

— Восьминаправленное формирование Отделённого Огня... Без Феникса на главной позиции — вы действительно считаете, что такое формирование может меня удержать?

Услышав эти слова, Ли Синлунь не смог сдержать удивлённого взгляда. С тех пор как он встретил этого странного учителя, Чанькунь Чжуоюй казался совершенно несведущим в мире культивации, ему нужно было объяснять даже самые базовые вещи, вроде того, как черпать энергию неба и земли. А теперь он одним дыханием назвал формирование и указал на его слабость — это по-настоящему озадачило Ли Синлуна, который думал, что уже понял своего учителя.

Как человек, не знавший даже основ, может узнать столь изысканное формирование?

Вспомнив устрашающие техники Чанькуня Чжуоюя, Ли Синлунь не мог не заподозрить, что у его учителя есть какая-то связь с горой Шу. Неужели в его прошлом, которое он забыл, он тоже держал меч?

— Восьминаправленное формирование Отделённого Огня применяется лишь в великие кризисы, — произнёс Мудрец Ипин, медленно выходя из главного зала, держа меч одной рукой. — За несколько тысячелетий оно не использовалось ни разу. Тот, кто с одного взгляда на построение учеников узнаёт его и указывает на слабость, без сомнения, имеет глубокую связь с горой Шу. Но интересно, будет ли эта связь дружественной или враждебной?

Каждый его шаг был прямым, как удар клинка, всё тело стояло прямо, будто сам стал мечом, вонзённым в землю. Его аура была холодной, чистой, как отполированный металл.

— Человек и меч как единое целое... — оценил Чанькунь Чжуоюй. — Пик Великого Вознесения, всего один шаг до того, как прорваться сквозь небеса и вознестись под гром испытания.

Услышав это, все ученики горы Шу застыли.

Для обычных культиваторов небесные испытания были бременем, которое нужно пережить, чтобы достичь бессмертия. Но для истинных мастеров, познавших Дао, испытание было не проверкой, а возможностью, шансом раскрыть врата высшего уровня, углубить понимание мира, пройти через небеса, не убегая от них, а воспарив на их крыльях.

Неужели их Глава секты, который триста лет не вынимал меча, уже достиг такого уровня?

Мудрец Ипин не почувствовал гордости от слов Чанькуня Чжуоюя, напротив, сердце его наполнилось обидой. Если бы он мог сражаться, ему не пришлось бы триста лет разговаривать со своим мечом «Рассекающим Тернии», каждый день гладить его лезвие, шептать: «Подожди, твой час придёт». Так и тянулись столетия. Меч накопил триста лет силы, а он, беседуя с ним, словно передавая душу через слова, неожиданно проник в самое сердце меча и достиг состояния единства человека и клинка. Другие мечники познавали сердце меча в битве, мгновенно сливаясь с ним. А он...

Такой путь к единству не был тем, чего хотел он. И не был тем, чего хотел его меч.

Хотя внутри всё сжималось от досады, как Глава секты он сохранил достоинство перед своими учениками и спросил:

— Если ты способен распознать мой уровень, значит, и сам ты, вероятно, стоишь на последнем пороге, почти достигнув Вознесения?

Чанькунь Чжуоюй лишь едва заметно улыбнулся. Его сила была непостижима. Достиг ли он этого рубежа, оставалось загадкой.

— Мудрец Ипин горы Шу, — произнёс тот, склоняя голову, — позволь спросить ваше почётное имя?

— Чанькунь Чжуоюй.

Их взгляды встретились и одновременно, как по невидимому сигналу, они обратились к своим сторонам:

— Отступите.

Ученики горы Шу и спутники Ли Синлуна немедленно отошли. В центре зала остались только двое — Чанькунь Чжуоюй, лениво помахивающий веером, и Мудрец Ипин, стоящий, как клинок, обращённый к небу.

— Где твой меч? — спросил Ипин.

— Мой меч в моём сердце, — ответил Чанькунь Чжуоюй, раскрывая веер и лениво обмахиваясь.

— Тогда прости.

С этими словами изнутри Мудреца Ипина вырвался алый свет меча. Он прыгнул вверх, схватил его, перевернувшись в воздухе, и стремительно обрушился на Чанькуня Чжуоюя.

Но тот не торопился. Одним лёгким движением бумажного веера он перехватил удар и блестящее лезвие «Рассекающего Тернии» с громким звоном остановилось, упёршись в хрупкую бумагу. В момент столкновения свечение меча померкло, обнажив его истинную форму. Он задрожал перед Чанькунем Чжуоюем, издавая низкий, трепетный гул, как смесь страха и восторга. Страшась этой силы, но ликуя от встречи с таким мастером. Даже если он сломается в этой битве, он не пожалеет о своей жизни.

Почувствовав намерение меча, Чанькунь Чжуоюй чуть кивнул:

— Хороший меч.

Мудрец Ипин вздохнул:

— У тебя тоже должен быть свой великий меч. Каждый мечник его имеет. Он может и не быть божественным оружием, но он - самое важное, что у тебя есть, тот самый клинок, который ведёт тебя по пути.

Направление меча всегда прямое.

На мгновение в глазах Чанькуня Чжуоюя мелькнула растерянность. Если он мечник, разве у него нет меча? Тогда где он?

Однако, несмотря на сомнение, его движения не замедлились. За мгновение они с Мудрецом Ипином обменялись сотнями ударов, каждый ход был безупречен, каждый выпад направлен в жизненно важную точку, каждый так опасен, что даже аура клинков казалась смертельной. Такие мастера, даже просто практикуясь, могли бы разрушить весь зал. Но эти двое идеально уравнивали друг друга: их силы сталкивались, создавая давление, которое сжимало воздух, но не причиняло вреда никому вокруг.

Это было похоже на наблюдение за бурей из тёплой комнаты — каждая вспышка молнии заставляет сердце замирать, каждый раскат грома пробирает до костей, но в глубине души ты знаешь, что ты в безопасности, защищён.

«Вот она техника Главы секты. Одного лишь зрелища хватило бы больше, чем десятки лет собственной культивации. Почему они раньше не просили его сразиться?!» - Такая мысль пришла в голову каждому ученику горы Шу.

Ли Синлунь сначала не мог разобрать движения меча Чанькуня Чжуоюя, но постепенно его восприятие прояснилось. Хотя движения были ослепительны, а он сам находился всего на уровне Формирования Основы, он ясно ощущал каждое действие. Даже с закрытыми глазами он чувствовал каждый удар, каждый поворот запястья, каждое направление энергии.

И тогда он действительно закрыл глаза и сел в позу лотоса. Энергия неба и земли сама потянулась к нему, втекая в тело, циркулируя по меридианам новым, никогда ранее не виданным путём, и наконец собралась в даньтянь. Меч. Дао.

Является ли меч Дао, или Дао — мечом?

Какой путь он ищет?

Вопрос, мучивший Ли Синлуна долгие годы, внезапно прояснился с каждым движением Чанькуня Чжуоюя.

Гибель семьи, падение в пропасть с намерением умереть, тупик в Долине Разбитых Душ...

Его путь — идти вперёд, преодолевая любые преграды, идти там, где есть путь, прокладывая путь там, где его нет.

Не нужно следовать чужим дорогам, не нужно культивировать чужими методами. Его путь он пройдёт его сам.

Посреди боя с Мудрецом Ипином Чанькунь Чжуоюй вдруг почувствовал странность. Он сделал шаг назад, встал перед Ли Синлуном, закрыв собой ученика, внезапно погрузившегося в медитацию.

Сразу после боя впасть в просветление?. Этот ученик действительно проблемный. - Про себя вздохнул с досадой Чанькунь Чжуоюй. — Но, талант у него неплохой, сумел постичь Дао через мою технику. Неплохо.

Иногда, когда мечники скрещивают клинки, они сразу понимают, друг перед ними или враг. Увидев, как Чанькунь Чжуоюй отступил, Мудрец Ипин также вложил ещё дрожащий «Рассекающий Тернии» в ножны и склонил голову:

— Прошу, присаживайтесь.

— Как только мой ученик завершит своё уединение, — сказал Чанькунь Чжуоюй, — мы вместе обсудим, как противостоять мировой катастрофе.

Одним взмахом рукава Мудрец Ипин приказал мечевому формированию горы Шу окружить Ли Синлуна и Чанькуня Чжуоюя, защищая их от любого вторжения.

Как только они исчезли из виду, Чанькунь Чжуоюй немедленно плюхнулся на землю, неуклюже вытирая пот. Наконец-то его веер не выдержал мощи истинной энергии. Когда он отозвал ци, бумажный веер рассыпался в пепел и растворился в воздухе.

К счастью, Ли Синлун уже вошёл в медитацию. Ещё один удар и веер сломался бы! Чанькунь Чжуоюй прижал руку к груди, всё ещё ощущая отголоски страха.

Поистине ему повезли с учеником.

<http://bllate.org/book/14629/1297997>